

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

годня работать в оркестре мне значительно интереснее, чем десять лет назад. Наверное, потому, что я его гораздо лучше понимаю, чем прежде. Хотя мне, человеку без музыкального образования, было очень трудно разобраться в оркестровом механизме.

— На ваш взгляд, с чем связана повышенная конфликтность оркестровой среды?

— Прежде всего с дефицитом высококлассных дирижеров. И в ближайшие годы, мне кажется, все останется по-прежнему. Все будут бороться за гранты, за лучшие музыкантов, за место под солнцем. Борьба эта идет потому, что возможности оркестрового рынка в Москве исчерпаны. Сегодня необходимы оркестру 107 музыкантов может просто не найтись. Надо воспитывать молодежь в своих рядах.

— Как же вы решились на такую авантюру, как создание нового симфонического — Национального филармонического оркестра России?

— Это было решение Спивакова. После разрыва с РНО ему в Министерстве культуры предлагали возглавить коллектив из уже существующих оркестров — на выбор. Но Спиваков принципиально не захотел разорять чужие гнезда и задумал сформировать свой оркестр. Созданный год назад НФОР во многом и мое детище. Я полгода провел на телефоне, по зернышку собирая этот оркестр. Некоторые музыканты экстра-класса, желая перейти в НФОР, смертельно боялись участвовать в публичных про-

слушиваниях, чтобы не попасть в немилость к своим руководителям в случае неудачи. И стало понятно, что из таких оркестров, как Госоркестр или Большой симфонический, людей пригласить мы не можем, хотя хотели бы.

— А вам нужны только лучшие из лучших?

— Да. Я хочу, чтобы в том оркестре, где я директорствую, работали лучшие в стране музыканты, и к тому же, по возможности, приличные люди. Я не идеалист, но все-таки хочется жить в комфортной человеческой атмосфере. И пока, вот уже год, люди в НФОРе ведут себя настолько порядочно и благородно, что я думать боюсь, сколь долго это может продлиться. Спиваков из тех редких дирижеров, кто предпочитает держать людей не окриком и муштрой, а любовью. Пусть это звучит демагогически и высокопарно, но правда: настоящее искусство рождается только в любви. Спивакова в оркестре просто боготворят и обожают. Мне нет необходимости перед его выходом к оркестру просить музыкантов не забыть постучать смычками по люпитрам, чтобы его поприветствовать. А это именно то, что каждый раз я делал в ГАСО перед появлением Светланова. Всякий раз я покупал цветок и клал на его дирижерский пульт перед началом репетиции. И Светланов, зная, что это сделал я, предпочитал обманываться, убеждая себя в том, что этот цветок — скромное выражение любви к нему музыкантов.

— Но все же любовь любовью, а зарплаты у ваших музы-

На своем скромном рабочем месте

кантов одни из самых высоких в Москве...

— С нашей стороны это был абсолютно сознательный ход, иначе высококлассный коллектив было бы просто не собрать. На чистом энтузиазме ничего хорошего и долговечного создать невозможно. Сегодня в оркестрах — Большого театра, ГАСО, БСО, РНО и нашем существует примерный паритет зарплат. Мне хочется верить, что люди пришли к нам не только ради денег. Каждый питерский музыкант, пришедший из оркестра Гергиева или Темирканова, — предмет особой гордости, потому что только

деньгами трудно заставить человека уехать из родного города и жить на съемной квартире. В подобном поступке основное — творческая мотивация.

— Как вам кажется, когда НФОР станет эталонным оркестром?

— Сейчас вообще в России, на мой взгляд, нет оркестра, который можно было бы назвать эталонным в мировом масштабе. На становление НФОРа, думаю, уйдет лет семь-восемь. Я верю в перспективу этого оркестра. Я не могу сказать, что убежден в том, что за лет пять он достигнет уровня, например, оркестра Берлинской филармонии. Путь предстоит пройти огромный, и надо положить массу сил, времени и денег. Но, как правило, новые творческие коллективы более жизнеспособны и активны, так как обладают мощным потенциалом для развития. Уже сегодня оркестр стал вполне сопоставим с лучшими российскими коллективами.

— Вы едва ли не единственный директор оркестра в Москве, который принимает активное участие в формировании художественного лица коллектива...

— Спиваков знал, кого он приглашает на работу. И он понимал, что я не буду заниматься исключительно администрированием. Я человек креативный, и мне очень интересно работать на стыке менеджерской и художественной сфер. В какой-то степени я, конечно, навязываю оркестру свои вкусы. Я очень люблю вокал, и поэтому с нашим оркестром выступают практически все оперные звезды, приезжающие в Москву. Я убежден, что любой продюсер, который захочет привести в Москву оперную звезду, обратится именно ко мне. Во-первых, потому что я вменяемый и возьму реальные деньги за нашу работу, при этом обеспечив самый лучший оркестровый аккомпанемент. К тому же с удовольствием выполню половину продюсерских функций, потому что продюсер зачастую не знает и не понимает, как общаться со звездой, какой график репетиций ей предложить, какой репертуар для концерта в Москве посоветовать.

— Но гастроль заезжей звезды редко способствует художественному развитию оркестра...

— Да, конечно, выступление звезды — это в большей степени красивый светский эпизод. И в следующем сезоне у нас запланирован один мощный проект — 17 и 18 ноября на сцене Кремлевского Дворца состоится российская премьера симфонии Говарда Шора «Властелин колец». За дирижерским пультом будет стоять автор, а главную вокальную партию исполнит всемирно известная норвежская певица Сиссел. Я уверен, что и коммерческие проекты вполне могут быть творчески состоятельными. Пример тому — выступления НФОРа в прошлом сезоне с Пласидо Доминго и Кири Те Канава. В на-

ших планах — пригласить многих мировых оперных знаменитостей, которых не знают в России. Это и Весселина Казарова, и Рамон Варгас, и Ферруччо Фурланетто. В будущем сезоне с НФОРом выступит много звезд — певцы Роберто Аланья и Дмитрий Хворостовский, скрипач Гидон Кремер, дирижеры Курт Мазур и Джеймс Конлон.

— Звезды, как правило, очень требовательны и часто относятся к менеджменту, как к собственной прислуге. Вас это не смущает?

— Я очень хорошо чувствую людей. Когда Джесси Норман вошла в номер, по выражению ее лица я понял, что он ей не нравится. А по моему выражению лица она поняла, что куда отсюда не съедет. Заплатили по две тысячи долларов в сутки за номер в той гостинице, которую она сама выбрала. Так что нравится не нравится, спи, моя красавица. Но, конечно, какие-то мелочи, ее любимый мед или букет цветов, я стараюсь, чтобы всегда были в ее номере, и если одеяло ей кажется колючим, то еду и покупаю лучшее в Москве. Но я это трактую не как обслуживание звезд, а как счастье и привилегию сделать что-то приятное великой актрисе. Сегодня я ни при каких обстоятельствах не могу оказать услугу Карузо, Джили или Каллас. Я все время стараюсь культивировать в себе отношение к артистам, прежде всего, как к выдающимся творцам, а не как к людям с тяжелыми характерами.

— Как вы смирились с тем, что не стали директором Дома музыки, хотя вам многие пророчили эту позицию, да и вы сами открыто готовились занять этот пост?

— Эта история не стала самым сильным потрясением в моей жизни, хотя я и ощутил круговое предательство. Практически не нашлось людей, которые, вроде бы сочувствуя мне, ударили бы пальцем о палец, чтобы попытаться изменить ситуацию. Я понимал всю опасность и все подводные камни должности генерального директора Дома музыки. И постоянно задумывался, стоит ли менять свою благополучную и, в общем, спокойную жизнь на ту сферу деятельности, с которой я могу и не справиться, сферу, выходящую на политику, на большие деньги и вопросы аренды, которые иногда заканчиваются пулей.

Наконец, я понял, что все, что ни происходит в моей судьбе, — к лучшему. Так получается, что те решения, которые кажутся мне несправедливыми и даже оскорбительными, на самом деле оказываются наилучшими.

— Ваш нынешний кабинет соответствует вашей юношеской мечте?

— Так получилось, что мой кабинет находится на одном этаже с кабинетом Спивакова, а офис оркестра располагается этажом ниже, что иногда дает мне возможность спокойно поработать. Не каждая птица долетит до середины Днепра, и не каждый артист оркестра дойдет до моего кабинета. Свой кабинет я постепенно обживаю. Мне необходим уют и вполне буржуазный комфорт: от фарфоровой посуды и серебряных приборов до удобной и стильной мебели для работы и отдыха. В кабинете есть даже душ, что особенно актуально, когда по традиции летом дома отключают горячую воду. Мне не хватает еще холодильника, телевизора и музыкального центра. К сожалению и к собственному стыду, я не являюсь пользователем компьютера. Мне некогда научиться.

— А сейф для денег у вас есть?

— Есть маленький...
— И что, хватает?
— Если деньги складывать аккуратно, штабелями, то хватает...

НАТАЛЬЯ ЛОГИНОВА

С Владимиром Спиваковым в Москве